

УДК 94(47).084.8

К. М. Александров

ТАЙНА МОРИЦФЕЛЬДЕ

Представлены малоизвестные страницы истории военного плена и сотрудничества граждан СССР с противником в Восточной Пруссии. Описана деятельность специального немецкого органа «Восток» в Морицфельде под Инстербургом в 1943 – 1944 гг. В центре внимания находятся бывшие советские летчики во главе с полковником Виктором Мальцевым, которые вступили в русскую авиационную группу в Морицфельде, эмигранты и другие сотрудники, результаты их деятельности и дальнейшие судьбы. Используются документы следственных органов и материалы различных архивов.

47

This article examines the little-known aspects of the history of prisoners of war and collaborationism of Soviet citizens with the enemy in East Prussia. The author describes the activities of the special German organisation The East in Moritzfelde near Insterburg in 1943 – 1944. Special attention is paid to former Soviet pilots led by Colonel Viktor Maltsev, who joined the Russian Aviation Group in Moritzfelde, emigrants, and another collaborationists, as well as the results of their activities and their lives after the war. Documents of investigation agencies and archives were used to this end.

Ключевые слова: Велау, группа Холтерса, Инстербург, Мальцев, Морицфельде, русские добровольцы в Люфтваффе, военнопленные, Холтерс, эскадрилья Тарновского.

Key words: Wehlau, Holters's group, Insterburg, Maltsev, Moritzfelde, prisoners of war, Russian volunteers in Luftwaffe, Holters, Tarnovsky's squadron.

Небольшой населенный пункт Морицфельде под Велау (*Moritzfelde bei Wehlau*, до войны *Landkreis Insterburg, Amtsbezirk Groß-Eschenbruch*) сегодня не существует. Он находился примерно в 10 км юго-восточнее поселка Знаменск Гвардейского района, между Калининградом и Черняховском. В октябре 2013 г. во время международной научной конференции по истории Первой мировой войны, состоявшейся в Калининграде, автор побывал в Черняховске и, пользуясь случаем, попытался навести справки об этом населенном пункте в местном музее, но вопросы оказались безуспешны – никаких ассоциаций с безвестным Морицфельде у собеседников не возникало. С этим забытым названием связан малоизученный эпизод в истории военного плена и сотрудничества советских граждан с противником, о котором в 1980-е гг. впервые рассказали читателям священник Православной церкви в Америке

Б. П. Плющов-Власенко и немецкий историк И. Хоффманн [13, с. 17, 19–20, 22–25, 29–31, 33; 27, S. 100, 102–103, 127–128]. В начале 2000-х гг. увидели свет первые публикации российских авторов о Морицфельде [3, с. 80–85; 4, с. 33–35].

В 1943–1944 гг. в Морицфельде в зоне Инстербург I авиационного округа Кёнигсберг (*Flughafen-Bereichskommando Insterburg, Luftgau-Kommando I Königsberg*) размещалось отделение (пункт) «Восток» (*Auswertestelle (Abwehrstelle) Ost der Luftwaffe*) по обработке разведывательных данных о ВВС Красной армии, подчинявшееся штабу Верховного командования Люфтваффе [27, S. 98; 17, л. 33–34]. Сюда направляли сбитых советских летчиков и перелетчиков, здесь происходил трагический перелом в неординарных человеческих судьбах на фоне большой войны, исход которой на третьем году принимал все более ясные очертания.

Отделением «Восток» руководил подполковник Г. Холтерс — офицер в возрасте примерно 50 лет, умный психолог, специализировавшийся на допросах пленных командиров Красной армии. Восемнадцатого июля 1941 г. в качестве майора 3-й роты военных корреспондентов он участвовал в допросе старшего лейтенанта Я. И. Джугашвили в штабе командующего авиацией 4-й армии (группа армий «Центр»). Холтерса, помимо прочего, интересовало мнение сына Сталина по таким политическим вопросам, как поведение бывших «кулаков» среди красноармейцев, уровень жизни колхозного крестьянства, предвоенные советские планы в отношении Германии, достоверность массовой информации в СССР и т. д. [7, с. 76–78, 83–84]. Заместителем Холтерса по «Востоку» был обер-лейтенант Адольф Адольфович Иодль, уроженец Ревеля, офицер в возрасте примерно 42 лет, говоривший по-русски, адъютантом и переводчиком — обер-лейтенант Отто Геллер, летчик в возрасте 25 лет, пропагандистом — профессор Бадер из Протектората, ровесник Иодля [17, л. 34]. Таким образом, Холтерс относился к числу немногих немецких экспертов, уделявших особое внимание политическим взглядам и критическим заявлениям военнопленных в расчете на их дальнейшее использование в антисоветских целях.

В начале сентября 1943 г. Холтерс получил санкцию штаба Верховного командования Люфтваффе на создание авиационной группы (*Gruppe Holters*), укомплектованной перелетчиками и добровольцами из военнопленных. Инициативу поддержал генерал-инспектор Восточных войск в Верховном командовании сухопутных войск генерал-лейтенант Х. Гельмих, курировавший широкий круг вопросов, связанных с восточными добровольцами из граждан СССР, в вермахте. За исключением некоторых контингентов, не учтенных статистикой, к концу года официальная численность восточных добровольцев достигла внушительной цифры в 370 тыс. человек [10, с. 419] — эквивалент личного состава тридцати пехотных дивизий. Гельмих уже приобрел определенный опыт и понимал, что Холтерс, несмотря на склонность к психологическим экспериментам, не найдет общий язык с военнопленными, особенно после Сталинграда и Курска, похоронивших надежды на немецкую победу на Востоке. Холтерс не мог рассчитывать на человеческий контакт. Отделению «Восток» требовались авторитетные *русские*

офицеры, чье поведение и выбор определяли бы более серьезные мотивы, чем примитивная «стратегия выживания», способные произвести впечатление на собеседника. И двух таких сотрудников Гельмих быстро нашел.

Двадцатого августа в особый опросной лагерь в Лётцене (I Кёнигсбергский военный округ) из оккупированной Евпатории приехал полковник Виктор Иванович Мальцев. Его встретил русский комендант подполковник Н. Е. Тарасов, бывший командир 1-й маневренной воздушно-десантной бригады, попавший в плен весной 1942 г. после разгрома бригады под Демянском. Тарасову понравился волевой и самоуверенный гость из Крыма, тем более что собеседников объединяли общие тяжелые воспоминания о мытарствах, перенесенных в НКВД во время «ежовщины». Комендант предложил Мальцеву остаться в лагере и вести занятия с командирами, готовыми сотрудничать с немцами [2, с. 601]. Сам Тарасов, скрывавший в СССР службу подростком в колчаковской армии, называл себя «русским с немецкой душой» и в 1942 г. отличился в качестве эксперта по борьбе с партизанами в прифронтовой полосе [20]. Однако Мальцев от предложения отказался. Он ждал направления в штаб Русской освободительной армии генерал-лейтенанта А. А. Власова, которая в тот момент существовала лишь в качестве пропагандистского символа, пока ее номинальный командующий находился в Берлине фактически под домашним арестом [25, р. 569]. Кроме того, поведение Тарасова по отношению к немцам выглядело слишком верноподданническим и вызывало подозрения в связи с его резкими инвективами в адрес Власова.

В следующем разговоре с Гельмихом Мальцев убедился, что РОА — не более чем фикция. Тем не менее в середине сентября по рекомендации Гельмиха он познакомился с Холтерсом и Иодлем, приехавшими в Лётцен. Они предложили Мальцеву свободу действий в наборе добровольцев в лагерях военнопленных, принадлежавших Люфтваффе, и должность русского командира группы с чином полковника и дисциплинарными правами командира эскадрильи. Верховный контроль над акцией сохранялся за Холтерсом. Мальцев согласился, рассчитывая, что в перспективе созданное им подразделение развернется в авиационную часть и войдет в состав полноценной армии [13, с. 14–15]. В конце сентября группа получила в качестве места базирования Морицфельде, где собрались первые 15 летчиков РОА [18]. В начале войны здесь были построены бараки и взлетно-посадочная полоса. По воспоминаниям одного из современников, пункт «Восток» в Морицфельде выглядел так: полевой аэродром в лесной местности, бараки и другие строения для русского и немецкого персонала, расположенные с северной стороны леса, внешняя ограда из колючей проволоки, строгая дисциплина, порядок, чистота... и собственная кроличья ферма [26, S. 245]. При особом желании побег из Морицфельде выглядел вполне реальным.

Осенью 1943 г. В. И. Мальцеву исполнилось 48 лет. Крестьянский сын и лесной кондуктор по общему образованию, он участвовал нижним чином в Великой войне в рядах 184-го пехотного Варшавского полка. Затем перешел в РККВФ, окончил Егорьевскую школу авиации, школу высшего пилотажа в Зарайске и получил звание красного воен-

лета в августе 1919 г. Во время Гражданской войны участвовал в боях на Южном и Юго-Западном фронтах, был ранен. В 1920—1923 гг. командовал 9-м и 3-м истребительными авиаотрядами, 1-й истребительной эскадрильей в Ленинграде, впоследствии служил начальником Центрального аэродрома сначала в Москве, затем в СибВО, вплоть до начальника ВВС округа (1929—1931). В 1930-е гг. работал на руководящих должностях в Гражданском Воздушном флоте (ГВФ) СССР — начальником Среднеазиатского и Закавказского управлений, в 1936 г. получил звание полковник авиации. С января 1936 г. Мальцев возглавлял Туркменское управление ГВФ в Ашхабаде [2, с. 598—599; 23], где в марте 1938 г. его арестовали органы НКВД по обвинению во «вредительстве». Во время следствия полковник подвергался избиениям и «конвейерным» допросам [9, с. 15—17]. Осенью 1939 г. Мальцева освободили, реабилитировали и направили в Крым — восстанавливать здоровье и руководить санаторием Аэрофлота. Восьмого ноября 1941 г. после оккупации Ялты Мальцев пришел в немецкую комендатуру и на несколько дней угодил в лагерь военнопленных. В Москве Мальцева считали погибшим на теплоходе «Армения», потопленном авиацией противника 7 ноября 1941 г.

После освобождения из плена Мальцев жил в Ялте как частное лицо, писал воспоминания о пережитом в НКВД и менял на продукты снятые золотые мосты, поставленные в 1940 г. вместо выбитых зубов. С весны 1942 г. он работал бургомистром и мировым судьей, а позднее, в 1943 г., участвовал в формировании добровольческих подразделений из местных жителей для охранно-караульной службы на Крымском полуострове [2, с. 599—601]. С немцами полковник начал сотрудничать, как он показал на допросе в ГУКР Смерш в начале 1946 г., «вследствие своих активных антисоветских убеждений», «чтобы вместе с ними вести борьбу против советской власти» [18]. Весной 1943 г. Мальцев с воодушевлением принял публичные заявления и обращения Власова, распространявшиеся на оккупированной территории [6]. Пособники оккупантов и враги советской власти в Ялте устроили Мальцеву торжественные проводы по случаю его отъезда для службы в РОА [14]. Из Крыма полковник направился в Лётцен в распоряжение генерал-инспектора Восточных войск.

Близким помощником Мальцева стал капитан РОА Михаил Васильевич Тарновский — сын героя Русско-японской войны и создателя первой русской пушки ПВО полковника В. В. Тарновского, эвакуировавшегося из Крыма с войсками Русской армии в 1920 г. Тарновский-младший родился в 1907 г. в Царском Селе и покинул Россию с родителями. Он учился в Чехословакии и Франции, в 1934 г. получил права летчика-инструктора в Пльзене, активно участвовал в общественно-политической жизни эмиграции и состоял членом Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП). В 1941—1943 гг. Тарновский работал в Берлине на радио в органах германской пропаганды, занимался организацией антисоветского вещания для населения СССР. В мае 1943 г. вступил в РОА, окончил краткосрочные офицерские курсы под Псковом и в конце сентября прибыл в Морицфельде для формирования 1-й восточной авиаэскадрильи [2, с. 785—786].

Мальцев посетил шталаги Люфтваффе II (Лодзь), V (Вольфен или Грёдитц), лагеря в Хазельталле и Хаммельбурге, где содержались военнопленные летно-технического состава, выступал с антисталинскими речами и заявлениями, демонстрируя неплохие ораторские качества. И Холтерс, и Мальцев рассчитывали на успех. В 1941–1943 гг., по официальной статистике, на сторону немцев перелетели 66 советских экипажей, в первом квартале 1944 г. к ним прибавились еще 20 [27, S. 98]. Нам известен и как минимум один обратный случай: 5 января 1944 г. в 15 ч 30 мин в Приазовском районе Запорожской области сел военнотранспортный самолет Ju.52/3m с четырьмя членами экипажа под командованием унтер-офицера Гейнца Мюллера, решившего сдать войскам Красной армии. Три члена экипажа узнали о замысле командира в воздухе и намеревались выбраться с парашютами, но не смогли открыть люки, заложённые грузами. Экипаж, оружие и самолет сотрудники НКВД передали в Управление контрразведки Смерш 4-го Украинского фронта [22].

Статистика советских перелетчиков была весьма скромной по сравнению с количеством пилотов, погибавших ежемесячно в воздушных боях. Однако каждый случай выглядел необычно и рассматривался противником как экстраординарный. Имена перелетчиков, как правило, засекречивались, в СССР они считались пропавшими без вести, но иногда с ведома немецкой цензуры о таких фактах сообщалось в русских газетах, издававшихся на оккупированных территориях [5, с. 1]. Тема безжалостного отношения Сталина к своим летчикам звучала на страницах антисоветской печати одновременно с пропагандистскими выступлениям Мальцева [24, с. 1–2]. В октябре для добровольцев, вербовавшихся в РАГ – Русскую авиационную группу (*Russisches Fliegergruppe*), в Сувалках был создан специальный «карантинный» лагерь, куда направлялись летчики, бортинженеры и техники. Здесь они проходили медицинское обследование, собеседования и тестирование. С каждым кандидатом индивидуально беседовал Мальцев, пытавшийся оценить мотивацию его поведения. Срок пребывания в Сувалкском лагере в среднем составлял два месяца.

Прошедшие отбор приносили присягу, аттестовывались в чине, соответствовавшем советскому званию, и переводились в Морицфельде. Здесь новыми опросами добровольцев занимались командиры Красной армии, ставшие единомышленниками Мальцева и капитанами РОА: Константин Арзамасцев (летчик ГВФ СССР, примерно 42 лет), Александр Никулин (штурман, примерно 38 лет), капитан Александр Сергеевич Тананаки (в 1942 г. бывший старшим лейтенантом, помощником по радио начальника отдела связи штаба 9-й армии Южного фронта, 1912 г. р.). Зимой 1944 г. к ним присоединился Гвардии подполковник Борис Абрамович Пивенштейн [17, л. 34–34 об.], сбитый 27 апреля 1943 г., будучи командиром эскадрильи 1-й гвардейской Сталинградской штурмовой авиадивизии 8-й воздушной армии. Пивенштейн, родившийся в 1909 г. в Одессе, в 1927 г., работая токарем по металлу, поступил в Военно-теоретическую школу ВВС. Впоследствии он окончил 1-ю военную школу летчиков и Военно-воздушную академию РККА. В 1934 г.

Пивенштейн командиром звена участвовал в спасении экспедиции челюскинцев и был награжден орденом Красной Звезды [12]. Двадцать первого сентября 1941 г. Пивенштейн получил назначение командиром 503-го штурмового авиационного полка, а попал в плен в 1943 г. командиром эскадрильи. Мальцев организовал перевод Гвардии подполковника Пивенштейна — еврея и члена ВКП(б) — из Хаммельбургского лагеря в Сувалки, а затем в Морицфельде, чем спас ему жизнь. Из Сувалок Пивенштейн писал русскому командиру авиагруппы: «Мне не хватает слов, чтобы в достаточной мере поблагодарить Вас за все, что Вы для меня сделали. Я боялся, что с моим характером предприиму неправильные шаги. Однако Ваша благосклонность и защита, под которую Вы меня взяли, а также Ваши старания вызвать во мне дружеское отношение, меня успокоили. Я надеюсь, что в будущем мы будем хорошо работать вместе» [13, с. 23]. Еще одним старшим командиром среди близких сотрудников Мальцева стал полковник Александр Фёдорович Ванюшин (в 1941 г. — командующий ВВС 20-й армии Западного фронта), попавший в плен раненым в Вяземском «котле». Боевые заслуги Ванюшина дважды отмечались орденами: Красной Звезды — в 1938 г. и Красного Знамени — в 1941 г. В 1942 г. Ванюшин в качестве литературного сотрудника поступил в органы германской радиопропаганды и работал в Берлине, откуда осенью за неуживчивый характер и по подозрению в неблагонадежности был отправлен в офлаг №62 (XIII—D) в Хаммельбурге. Как и Пивенштейна, Ванюшина вытащил в Морицфельде Мальцев [Там же, с. 22—23].

Среди добровольцев РАГ, побывавших в Морицфельде, по показаниям майора Тарновского известны несколько перелетчиков: капитан В. К. Рублевик (в 1942 г. — старший лейтенант, командир эскадрильи, перелетел на ЛаГТ-3), капитан И. В. Шиян (в 1941 г. — сержант 35-го скоростного бомбардировочного полка, перелетел на СБ), подпоручик О. Соколов (в 1943 г. — старший сержант, перелетел на МиГ-3) [16, л. 23—23 об., 26]. Однако основную категорию составили бывшие пленные, сбитые в воздушных боях. Среди них капитан П. И. Воронцов (подлинная фамилия Вараксин, в 1943 г. — командир эскадрильи 20-го Смоленского истребительного авиаполка 303-й истребительной авиадивизии 1-й воздушной армии, не вернулся из учебно-тренировочного полета 3 мая), Герой Советского Союза старший лейтенант Б. Р. Ангилевский (в 1943 г. — зам. командира эскадрильи 20-го Смоленского истребительного авиаполка 303-й истребительной авиадивизии 1-й воздушной армии, сбит 28 августа), старший лейтенант П. К. Песиголовец (в 1943 г. — начальник связи 175-го штурмового авиаполка 9-го смешанного авиакорпуса 17-й воздушной армии, сбит 5 июля), Гвардии лейтенант С. Л. Павленко (в 1943 г. — командир экипажа 48-го гвардейского авиаполка дальней разведки, сбит 28 (29?) марта), Гвардии младший лейтенант Н. Н. Кузнецов (в 1943 г. — старший пилот 7-го гвардейского штурмового авиаполка 230-й штурмовой авиадивизии 4-й воздушной армии, сбит 15 марта), младший лейтенант А. И. Воронин (в 1942 г. — легчик 816-го дальнебомбардировочного полка 241-й авиадивизии 6-й воздушной армии, сбит 17 июня), младшие лейтенанты военно-морской авиации А. П. Скоб-

ченко (в 1941 г. — пилот 5-й эскадрильи 71-го авиаполка КБФ, сбит 3 сентября) и А. И. Часовников (в 1943 г. — пилот 121-го авиаполка Северного флота, сбит 29 марта) и др. [1, л. 3; 2, с. 136, 664].

Всего в 1943—1944 гг. через «группу Холтерса — Мальцева» прошли, по нашим подсчетам, не менее 100 человек, включая несколько десятков летчиков, а также инженеров и техников. К концу ноября 1943 г. Мальцев и Тарновский завершили формирование 1-й восточной эскадрильи (1. *Ostfliegerstaffel der Luftwaffe*). Третьего декабря эскадрилья в количестве 9 машин (У-2, Gotha 145А и Ar 66С) под командованием Тарновского с летным составом из перелетчиков и бывших пленных убыла на фронт в район Даугавпилса и вошла в группу ночных бомбардировщиков «Восток» (3 эстонские и 2 латышские эскадрильи) при штабе I воздушного флота [27, S. 100]. Через полгода русский состав эскадрильи (12 машин) насчитывал 79 человек, включая 14 летчиков и штурманов, 6 бортстрелков. Летчики эскадрильи занимались аэрофотосъемкой, разведкой, осуществляли с воздуха атаки партизанских лагерей и баз в районе Даугавпилса, в Налибокской пуще, южнее Молодечно, на Немане между Лидой и Минском. До расформирования летом 1944 г. члены эскадрильи совершили не менее 500 боевых вылетов, на каждого из них в среднем пришлось от 35 до 50 вылетов. Безвозвратные потери эскадрильи за период пребывания на фронте с декабря 1943 по июль 1944 г. составили 3 самолета, 9 пилотов, штурманов и бортстрелков, 12 человек получили ранения [15, л. 16—17; 16, л. 20; 3, с. 83—84].

Другие группы пилотов, служивших в РАГ, занимались переподготовкой на немецких самолетах (Bf 108 Taifun, Bf 109, Fi 156, Fw 190 и др.), буксировкой воздушных целей, облетом серийных машин и перегонкой заводских самолетов на полевые аэродромы Люфтваффе. Для выполнения подобных заданий были сформированы три летные группы: две насчитывали по 10 человек, одна — 8 [1, л. 4; 18]. Кроме того, Б. П. Плющов-Власенко сообщал, что авиаторы РАГ, включая самого Мальцева, участвовали в отдельных боевых операциях на фронте вместе с немецкими летчиками под командованием майора Х. Грассера [13, с. 30], но подтверждений этому мы не нашли. Мальцев неоднократно принимал участие в антисоветских пропагандистских мероприятиях. В январе 1944 г. в Кёнигсберге он записал обращение «К русским летчикам», использованное затем в радиовещании [Там же, с. 17—18; 18].

До осени 1944 г. центр всей акции находился в Морицфельде. Для привлечения на свою сторону незаурядных пленных Мальцев использовал оригинальные ходы. Так в Морицфельде попала майор Серафима Захаровна Ситник — начальник связи 205-й истребительной авиадивизии 5-й воздушной армии. Двадцать девятого октября 1943 г. при перелете на У-2 она была сбита над деревней 5-я Николаевка в районе Козельщины Полтавской области и объявлена погибшей [21]. Однако кавалер орденов Красного Знамени и Отечественной войны II ст., участница Сталинградской битвы не погибла, а выбросилась с парашютом, получила при приземлении сильные травмы и без сознания попала в плен. В немецком лазарете ей оказали помощь. В январе 1944 г. на допросе в Морицфельде Ситник заявила, что немцы убили ее мать и ре-

бенка, оставшихся на оккупированной территории. По совету Мальцева Холтерс проверил показания — семья оказалась жива, и самолетом ее немедленно доставили в Морицфельде к изумлению пленной. После этого Ситник начала сотрудничать с Мальцевым. Ей разрешили сохранить советскую форму с погонами майора и носить ордена. Впоследствии она работала в органах пропаганды [13, с. 20].

В феврале 1944 г. Мальцев добился еще одного психологического успеха: в РАГ вступил второй Герой Советского Союза — капитан С. Т. Бычков, штурман 937-го истребительного авиаполка 322-й истребительной авиадивизии 2-го истребительного авиакорпуса 3-й воздушной армии, сбитый в районе Орши 10 (11?) декабря 1943 г. Вместе с Антилевым он выступал с антисталинскими заявлениями перед военнопленными и остарбайтерами, участвовал в перегонах самолетов, а зимой 1944/45 гг. стал одним из старших офицеров 1-го авиаполка владовской армии. Обстоятельства вербовки летчика-истребителя до сих пор вызывают дискуссию. Восьмого марта 1946 г. на следствии в ГУКР Смерш Бычков дал показания о том, что в Морицфельде Антилевский и Вараксин избили его, принудив вступить в РАГ [19, с. 32]. Все же неясно, почему об обстоятельствах своей вербовки подследственный заявил лишь спустя полгода после ареста сотрудниками Смерша и как раз в тот момент, когда он готовился в качестве свидетеля для участия в несостоявшемся «открытом процессе» по делу Власова. Кроме того, Плющов-Власенко, хорошо знавший Антилевого, Бычкова и Мальцева, категорически отрицал версию об избиении, подчеркивал приязнь и дружеские отношения двух Героев Советского Союза, и резонно указывал на лояльность Бычкова, который в 1944—1945 гг. неоднократно мог улететь через линию фронта [8]. Но в СССР Бычков вернулся лишь осенью 1945 г. после принудительной репатриации из Франции.

В конце февраля 1944 г. в Берлине Мальцев впервые встретился с Власовым и пригласил его познакомиться с личным составом РАГ. В начале марта Власов приехал в Морицфельде в сопровождении капитанов С. Б. Фрëлиха и Р. Л. Антонова. Царившая здесь атмосфера произвела на Власова благоприятное впечатление, а его приезд стал для русских летчиков небольшой сенсацией. Ситник провела с гостями несколько вечеров, играла на гитаре, и впервые все услышали от нее знаменитую песню «В землянке». Вместе с тем Фрëлиха поразили символический характер охраны Морицфельде и доступность «Востока» для возможного нападения партизан, в присутствии которых поблизости он был уверен. Некоторые бараки, прикрытые лишь одним рядом проволоки, располагались у самого леса. Поэтому вскоре Фрëлих настоял на возвращении в Берлин [26, S. 245—247]. Перед отъездом Мальцев подтвердил Власову свое намерение развернуть смешанный авиационный полк на основе собранных кадров, как только создание общевойсковой армии станет реальностью. Деятельность пункта «Восток» в Морицфельде в целом закончилась в сентябре 1944 г., когда «группа Холтерса — Мальцева» передислоцировалась из Восточной Пруссии в Судеты на аэродром в Эгер (чешский Хеб). Зимой 1944/45 гг. здесь началось формирование 1-го авиаполка войск Комитета освобождения на-

родов России (КОНР). Старые кадры, прошедшие Морицфельде, послужили для него основой — в этом смысле расчеты Мальцева частично оправдались, хотя боевой потенциал власовской авиации так и остался символическим.

В 1943—1945 гг. Мальцеву удалось привлечь к сотрудничеству несколько десятков летчиков, но их доля в массе пленных, принадлежавших к летному составу, была незначительной. Вместе с тем драма судеб каждого из «остфлигеров» оказалась исключительной для истории и традиций отечественной авиации, чтобы ее игнорировать. «Эксперимент» отчасти удался, и нельзя сказать, что сотрудниками Мальцева стали маргиналы, руководствовавшиеся отчаянным стремлением выжить. В 1944 г., когда военное положение Германии с каждым месяцем ухудшалось, вступление в РАГ не понижало, а повышало жизненные риски вкупе с безусловной личной компрометацией перед органами контрразведки Смерш. Антилевского, Бычкова, Ванюшина, Пивенштейна и самого Мальцева, учитывая их награды и службу, трудно назвать трусами, искавшими безопасности на обочине войны. Поэтому главная тайна Морицфельде заключалась в психологической подоплеке событий и факторах, резко менявших человеческое поведение, бывшее до плена естественным и понятным. В дальнейшем под воздействием разных субъективных обстоятельств сложная мотивация поступков колебалась в диапазоне от разочарования до сдержанного оптимизма и неизменных сомнений. Важную роль играл эффект новой социальной среды в жизни пленного, дававшей среди прочего и условия для возникновения непривычных споров и дискуссий, свободных от политического контроля и самоцензуры, о чем писал, например, лейтенант Н. В. Ващенко — штурман 134-го скоростного бомбардировочного авиаполка, сбитый 24 июля 1941 г. [11, с. 267—268]. На выбор влиял и личный пример, в связи с чем стоит учитывать человеческие качества самого Мальцева, умевшего убеждать собеседников.

Очевидно, что некоторые добровольцы РАГ рассчитывали перелететь к своим и даже достигли поставленной цели. Третьего июля 1944 г. с аэродрома в Лиде, заранее установив связь с подпольщиками для выбора места приземления, на сторону партизан перелетели 3 самолета с 5 военными из эскадрильи Тарновского [16, л. 20]. Машинами управляли поручик В. С. Москалец (в 1943 г. — старший лейтенант, командир звена 80-го ближнебомбардировочного полка 261-й смешанной авиадивизии 7-й воздушной армии, сбит 10 марта), поручик П. В. Чаусели (в 1943 г. — лейтенант, командир звена 703-го штурмового авиаполка 281-й штурмовой авиадивизии 14-й воздушной армии, сбит 13 января), подпоручик А. С. Карапетьян (в 1942 г. — сержант, пилот 800-го штурмового авиаполка 292-й авиадивизии 1-го штурмового авиакорпуса 3-й воздушной армии). Вместе с Москальцем улетел его механик, с Карапетьяном — штурман, подпоручик Ю. В. Лабути́н-Горский (в 1943 г. — сержант, воздушный стрелок бомбардировщика 1-й эскадрильи 29-го авиаполка, сбит 10 мая). До партизан беглецы добрались благополучно и позже встретились со своими. Лабути́н-Горский был заброшен со спец-

заданием в глубокий немецкий тыл, а Москалец, Чкаусели и Карапетьян осуждены в 1945 г. на 10 лет лагерей с поражением в правах на 5 лет и лишением званий. Однако другие примеры перелетов из РАГ нам неизвестны.

Война закончилась разгромом нацистской Германии, и в жизни многих русских сотрудников Морицфельде наступил неизбежный финал. С. З. Ситник стала жертвой провокации службы безопасности (СД) Германии в 1944 г.: она установила «контакт» с мифическими партизанами, в чьей роли удачно выступили немецкие агенты, и исчезла. Б. Р. Антилевский в конце войны остался в Чехии и попытался репатрироваться в СССР с документами на чужое имя. Вскоре он был арестован НКВД, установлен, осужден и в 1946 г. расстрелян. С. Т. Бычков в составе частей ВВС КОНР сдался американцам. Его перевезли во Францию, откуда осенью 1945 г. выдали в советскую зону оккупации. Бычкова доставили в Москву, осудили и расстреляли в 1946 г. Напротив, М. В. Тарновский, имевший чехословацкое гражданство, не подлежал репатриации. Однако как командир он добровольно последовал за подчиненными, был арестован в советской зоне контрразведкой Смерш, осужден и расстрелян в 1946 г., посмертно реабилитирован Главной военной прокуратурой в 1999 г. В. И. Мальцев при экстрадиции во Францию вскрыл себе вены и перерезал горло, но остался в живых. Он был отправлен в Москву, помещен в больницу Бутырской тюрьмы и позже, по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 июля 1946 г., повешен вместе с А. А. Власовым.

Из старших офицеров РАГ смерти избежали лишь А. Ф. Ванюшин и Б. А. Пивенштейн. В СССР Ванюшина заочно осудили к расстрелу, и советские репатриационные органы безуспешно его искали. Но в конце мая 1945 г. сотрудники американской разведки нелегально вывезли Ванюшина из Франции в США вместе с двумя другими офицерами ВВС КОНР. Он легализовался под фамилией Новак, жил замкнуто и в послевоенной эмиграции не оставил следов. Б. А. Пивенштейн скрылся от репатриации в американской оккупационной зоне Германии и в начале 1950-х гг. уехал из Европы за океан. История *Auswertestelle Ost* сохранилась лишь в архивно-следственных делах, однако тайна Морицфельде и связанные с ней человеческие судьбы еще будут привлекать внимание исследователей.

Список источников и литературы

1. *Автобиография* Павленко Семена Лукича : рукопись. 5 марта 1951 г. // Лич. арх. К. М. Александрова. Док. предоставлен О. С. Павленко. Копия. 5 л.
2. Александров К. М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова (1944 – 1945) : биограф. справочник. М., 2009.
3. Александров К. М. Русские добровольцы в Люфтваффе, 1942 – 1944 гг. // Александров К. М. Против Сталина: сб. ст. и матер. СПб., 2003. С. 79 – 88.
4. Антилевский М. Авиация генерала Власова // История авиации (Московская обл.). 2000. №2.
5. *Большевицкие* легчики примкнули к РОА. Советский истребитель типа Як-7 приземлился на германском полевом аэродроме // За Родину (Псков). 1943. 16 мая.

6. *Борьба с большевизмом — наш долг.* Ответ полковника-орденоносца В. И. Мальцева на открытое письмо генерал-лейтенанта А. А. Власова // Голос Крыма (Симферополь). 1943. 4 июня. С. 2.

7. *Документ №98:* Протокол допроса немцами военнопленного старшего лейтенанта Я.И. Джугашвили, 18 июля 1941 г. / пер. с нем. // Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива / сост. Ю.Г. Мурин ; ред. В.Н. Денисов. Берлин ; Чикаго ; Токио ; М., 1993. (Б-ка журнала «Источник»). С. 69–89.

8. *Интервью с протоиереем Борисом Власенко (поручиком Б.П. Площовым).* 11 дек. 1995 г. Мэйлэнд (США) // Лич. арх. К.М. Александрова. Фонограмма. Ч. В. Таймер 057–058.

9. *Мальцев [В. И.]* Конвейер ГПУ. Ялта, 1943.

10. *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 : справочник / пер. с нем. А. Высоковского, И. Глаголева, В. Дубовика ; под общ. ред. С.И. Дробязко. М., 2003.

11. *Палий П.Н.* В немецком плену. Ващенко Н.В. Из жизни военнопленного. Париж, 1987. Вып. 7 (Сер. Наше недавнее. Всероссийская мемуарная библиотека).

12. *Пивенштейн Борис Абрамович,* 1909 г. р. Послужная карта // Центральный архив Министерства обороны (далее ЦАМО) РФ. XI отдел. Картотека учета офицерского состава (далее КУОС).

13. *Плющов Б.П.* Генерал Мальцев. История Военно-воздушных сил Русского освободительного движения в годы Второй мировой войны (1942–1945) / под ред. и с предисл. Н.Г. Штифанова. Сан-Франциско, 1982.

14. *Проводы полковника В. И. Мальцева* // Голос Крыма. 1943. 16 июня. С. 3.

15. *Протокол допроса от 1 сентября 1945 г.* Тарновского М.В., 1907 г. р. // Служба Регистрации архивных фондов УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Архивно-следственное дело № 89804. Л. 16–19.

16. *Протокол допроса от 3 сентября 1945 г.* Тарновского М.В., 1907 г. р. // Там же. Л. 20–27.

17. *Протокол допроса от 8 сентября 1945 г.* Тарновского М.В., 1907 г. р. // Там же. Л. 31–40.

18. *Протокол допроса от 1 февраля 1946 г.* Мальцева В.И., 1895 г. р. // Центральный архив (далее ЦА) ФСБ РФ. Коллекция архивно-следственных материалов МГБ СССР Н-18766. Т. 3. Л. 83–112.

19. *Протокол допроса от 8 марта 1946 г.* Бычкова С.Т., 1918 г. р. // Катусев А.Ф., Оппоков В.Г. Движение, которого не было. История власовского предательства // Военно-исторический журнал. 1991. №12. С. 31–33.

20. *Протокол допроса от 13 марта 1946 г.* Трухина Ф.И., 1896 г. р. // ЦА ФСБ РФ. Коллекция архивно-следственных материалов МГБ СССР Н-18766. Т. 15. Л. 309–310.

21. *Ситник Серафима Захаровна,* 1912 г. р. Послужная карта // ЦАМО РФ. XI отдел. КУОС.

22. *Сообщение №39/б наркома внутренних дел Союза ССР Л. Берия — ГКО:* т. Сталину И. В., Молотову В. М. ; Ген. штаб Красной армии т. Антонову // Hoover Institution Archives, Stanford University. Volkogonov Dmitry Papers. Box 2. Container 22. Reel 14. Копия. Совершенно секретно. Экз. №4 [не ранее 5 янв. 1944 г.].

23. *Регистрационный бланк члена ВКП(б).* Партбилет №3583732 // Российский государственный архив социально-политической истории. Док. предоставлен Г. Р. Рамазашвили (Москва).

24. *Трагедия советской авиации* // За Родину. 1943. 2 нояб.

25. Dallin A. German rule in Russia 1941 – 1945. A Study of Occupation Policies. L. ; N. Y., 1957.

26. Fröhlich S. General Wlassow. Russen und Deutsche zwischen Hitler und Stalin / bearb. und hrsg. E. von Freier. Köln, 1987.

27. Hoffmann J. Die Geschichte der Wlassow-Armee. Freiburg im Breisgau, 1986.

Об авторе

Кирилл Михайлович Александров — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Санкт-Петербургский государственный университет; докторант, Санкт-Петербургский Институт истории РАН.

E-mail: aleksandrov_k@inbox.ru

58

About the author

Dr Kirill Aleksandrov, Senior Research Fellow, Saint-Petersburg State University; postdoctoral student, Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: aleksandrov_k@inbox.ru

УДК 947. 8 (470.26)

В. Н. Маслов

ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ РАЙОННЫХ ЦЕНТРОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1946 ГОДУ

На основе документов из федеральных архивов анализируется процесс подготовки Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 сентября 1946 г. о переименовании районных центров Калининградской области. При его разработке несколько раз менялись принципы, в соответствии с которыми осуществлялся выбор советских названий для бывших немецких городов. Новые имена могли быть даны с учетом прежних русских, польских или литовских наименований населенных пунктов, их географического положения, событий русской и советской военной истории, коммунистической идеологии.

The preparation of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of September 7, 1946 on renaming the district centers of the Kaliningrad region is analysed based on documents of federal archives. Principles behind giving Soviet names to former German towns were changed several times in the process. At different stages, new names were given in view of the former Russian, Polish, or Lithuanian name, a town's geographical position, Russian and Soviet military history, and communist ideology.

Ключевые слова: Кёнигсбергская область, Калининградская область, населенные пункты, города, районные центры, топонимика, переименования.

Key words: Königsberg region, Kaliningrad region, settlements, towns, district centres, toponymy, renaming.